

Наложница Шань в душе осыпала всех проклятиями, но возразить было нечего.

Впрочем, неважно! Подумаешь, улика исчезла. Самое главное — Ода Десяти Ароматов! Пока она у них в руках, этого достаточно, чтобы погубить Императрицу!

— А как Музыкант Юнь оправдается насчет Оды Десяти Ароматов? — гневно воскликнула Шань Лань.

— Об этом мне ничего не известно, такие вопросы следует задавать людям из окружения Императрицы, — Ли Юэбай, стоя за ширмой, посмотрел на вход в главный зал. — Разве служанка Императрицы, Жуи, не ушла за тем красным листом со стихами? Пора бы ей уже вернуться.

— Ваше Величество, я пришла! — Услышав голос Ли Юэбая, Жуи почтительно вышла из зала, осторожно держа в руках красный лист бумаги.

Увидев его, Шань Лань и наложница Шань в ужасе застыли.

— Как это возможно! Откуда этот лист... — Шань Лань вскрикнула, но наложница Шань тут же зажала ей рот.

— Почему госпожа мешает госпоже Шань Лань говорить? — Ли Юэбай притворно вздохнул. — Неужели боитесь, что она скажет что-то лишнее?

Лицо наложницы Шань оставалось холодным, но в глазах читалось нескрываемое замешательство.

— Позвольте взглянуть на эти стихи? — попросил Ли Юэбай.

Император взял красный лист из рук Жуи и внимательно осмотрел его: бумага была тонкой, почти прозрачной, а надпись на ней была сделана необычными желтовато-белыми чернилами.

Несколько ученых мужей подошли ближе, изучили почерк и в один голос подтвердили: это та самая Ода Десяти Ароматов, которую они переводили ранее, до последней запятой.

После осмотра евнух Ань осторожно передал лист Ли Юэбаю, напутствуя:

— Музыкант Юнь, смотрите, не повредите улику. Император и мы все её уже видели, теперь вам поздно хитрить.

Ли Юэбай осторожно взял лист кончиками пальцев, стараясь не делать лишних движений. Внимательно изучив его, он улыбнулся:

— Наложница Шань и госпожа Шань Лань, должно быть, в недоумении. Они ведь рассчитывали, что этого листа здесь не будет, что он давно должен был превратиться в пепел.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Императрица не лгала. Вчера вечером именно наложница Шань принесла этот лист, чтобы подарить его и попросить Императрицу переписать стихи, — произнес Ли Юэбай. — Более того, наложница Шань была уверена, что к сегодняшнему дню бумага сама собой сгорит и от неё не останется и следа.

— Смешно! — лицо наложницы Шань стало бледнее мела. — Музыкант Юнь, не стоит бросаться

беспочвенными обвинениями. Я не владею колдовством и не умею вызывать стихию, как же я могу заставить бумагу самовоспламениться?

— Потому что это не обычная бумага и не обычные чернила, — пояснил Ли Юэбай. — Бумага пропитана красным воском, а желтовато-белые чернила — это фосфорный порошок.

— Фосфорный порошок? — Евнух Ань нахмурился.

— Фосфор крайне горюч, — добавил один из ученых. — Если оставить его под палящим летним солнцем, он может вспыхнуть сам собой!

— Но сейчас же зима! — воскликнула Шань Лань.

— Именно поэтому, когда вы несли этот лист в рукаве, и даже когда передавали его Императрице, он не загорелся, — ответил Ли Юэбай. — Но наложница Шань наверняка знала, что после того, как Императрица перепишет стихи, она положит их в теплое место, например, у жаровни.

— Это правда! — поспешно подтвердила Жуи. — У Императрицы есть привычка: каждый вечер перед сном она кладет новые стихи у изголовья кровати!

— И что с того?

— У изголовья стоит теплая жаровня и курильница, которые горят всю ночь, — взволнованно добавила Жуи. — Если Ваше Величество не верит, можете сами взглянуть на кровать.

Так оно и оказалось.

— Обычная бумага от тепла жаровни лишь слегка нагрелась бы, — сказал Ли Юэбай. — Но этот лист должен был вспыхнуть и превратиться в пепел!

— Привычки Императрицы лучше всех во дворце знает именно наложница Шань, — Жуи подняла глаза, полные горького гнева. — Каждый вечер она приходила засвидетельствовать почтение и видела всё своими глазами! Где что лежит, какие благовония в курильнице — кроме нас, слуг, это лучше всех знала только она!

Шань Лань почувствовала, как леденеют руки и ноги. Всё верно, всё верно — этот Музыкант Юнь раскусил их! Пропитанная воском бумага, фосфорные чернила — всё это подготовил Чжао Нэ, в доме Великого наставника полно таких диковинных штучек. Они рассчитывали на верную победу, но их план был полностью разоблачен!

— Неправда. — Наложница Шань вдруг одарила всех невиннейшей улыбкой. Несмотря на разоблачение, она ухватила за последнюю соломинку: — Ни я, ни моя сестра в глаза не видели этого листа.

— Не видели?

— Именно так, не видели. — Произнеся эти слова, она почувствовала прилив уверенности.

Вчера вечером она достала лист только после того, как Императрица отослала всех слуг. Никто не мог доказать, что она передавала ей эти стихи.

— Да, да, именно так! — поспешно подхватила Шань Лань. — Мы вообще не знаем, что это такое!

— Наложница Шань права! — спохватилась Хуаньсян. — Возможно, Императрица сама подготовила этот лист, чтобы теперь подставить наложницу!

Наложница Шань облегченно выдохнула и улыбнулась. Но торжество её длилось недолго.

— Как некстати, — усмехнулся Ли Юэбай. — Сегодня Его Высочество Наследный принц в разговоре со мной упомянул, что вчера вечером Императрица чувствовала недомогание и, получив от вас лист, даже не приступала к переписыванию!

— Не переписывала? — Шань Лань была потрясена. — Тогда что же за стихи на белой бумаге нашел Император?

— Значит, за неё это сделал кто-то другой, — улыбнулся Ли Юэбай.

Император вздрогнул и приказал немедленно сравнить почерки. Действительно, почерк на листе не принадлежал Императрице! У неё он был изящным и легким, а здесь — тяжелым и простоватым.

— Это значит, она приказала кому-то другому! Естественно, она не могла выдать свой почерк в такой постыдной истории! — громко выкрикнула Хуаньсян.

— А ты знаешь, кто это переписал? — холодно усмехнулась Императрица.

— Кто? Наверняка какая-нибудь служанка или евнух, — фыркнула Шань Лань. — Переписывать любовные стихи для хозяйки — дело обычное.

— Это переписала я, — раздался из глубины зала старческий кашель. Вышла пожилая женщина — невысокого роста, с седыми волосами и морщинистым лицом, но с такой благородной осанкой, что все невольно прониклись к ней уважением.

— Нянюшка Сунь? — даже Император проявил к ней почтение. — Почему вы здесь?

Нянюшка Сунь была личной служанкой вдовствующей Императрицы. Она служила ей с юных лет и пользовалась огромным авторитетом. Сейчас, когда вдовствующая Императрица отошла от дел и посвятила себя молитвам, всеми делами заправляла нянюшка Сунь.

— Почему я здесь? — Нянюшка Сунь постучала посохом и фыркнула. — Если бы не я, Императрицу бы оклеветали!

— Вчера был праздник Фонарей, вдовствующая Императрица рано легла спать, и нянюшка Сунь пришла во дворец Юаньхэн навестить Императрицу, — пояснила Жуи. — Они беседовали, когда внезапно пришла наложница Шань. Нянюшка Сунь в возрасте, вставать ей было тяжело, поэтому Императрица приказала поставить ширму, чтобы нянюшка сидела за ней, а сама вышла встретить гостью.

Наложница Шань задрожала, лицо её стало серым. Вчера она была уверена, что всё пройдет безупречно, но не подозревала, что за ширмой прячется свидетель! Нянюшка Сунь, закаленная годами дворцовых интриг, умела двигаться совершенно бесшумно.

— Когда Императрица отослала слуг, я оставалась за ширмой и видела всё, — насмешливо сказала нянюшка Сунь. — Наложница Шань передала Императрице лист, та пообещала переписать его, и наложница ушла довольная.

— Так эти стихи... переписала нянюшка Сунь? — Император до сих пор не мог в это поверить.

— Да. После того как наложница ушла, Императрица попросила меня помочь с переписыванием, — ответила нянюшка Сунь. — Обычно она делает это сама, и я спросила, почему сейчас она просит меня. Она ответила, что береженого Бог бережет, и я согласилась.

— Это... это... — Как бы ни были красноречивы Шань Лань и Хуаньсян, они не посмели обвинить нянюшку Сунь во лжи.

— Я думала, что просто помогаю переписать произведение У Цзыдао, кто же знал, что это такая гадость! — нянюшка Сунь была в ярости. — Я своими глазами видела, как наложница передала лист, разве это может быть подделкой?

Авторитет нянюшки Сунь был непререкаем.

— Наложница Шань, как ты посмела оклеветать Императрицу? — Император сурово посмотрел на неё.

— Я не смела! Я не смела! Я просто... всё забыла! — наложница Шань в слезах упала на колени. — Всё из-за Порошка Забвения, я ничего не помню! Я не клеветала!

— Ваше Величество, даже если с листом вышла ошибка, как насчет Порошка Забвения? — не сдавалась Шань Лань. — Наложница выпила две чашки чая у Императрицы и вернулась отравленной. Неужели Императрица совсем не виновата?

— Обвинение в отравлении — дело серьезное, нужно тщательно проверить, — серьезно сказал Ли Юэбай. — Чей это яд, мы сейчас узнаем.

Жуи хлопнула в ладоши, и служанки вынесли столик с двумя чашками чая, в которых еще оставались остатки напитка и заварка.

Наложница Шань впала в отчаяние. Это был тот самый чай, который она пила вчера! Императрица всегда любила порядок и сразу после ухода гостей приказывала мыть посуду, но вчера, по совету Ли Юэбая, она оставила чашки нетронутыми!

— Я могу подтвердить, что это те самые чашки, из которых вчера пила наложница, — твердо сказала нянюшка Сунь.

— На краях чашек даже остались следы помады наложницы, — добавила Жуи.

— Прошу врачей проверить остатки чая на наличие Порошка Забвения, — попросил Ли Юэбай.

Врачи тщательно осмотрели всё, но ничего не нашли. В конце концов, одна из служанок выпила остатки чая на глазах у всех — и ничего не случилось.

Шань Лань окончательно сломалась и рухнула на пол, а наложница Шань принялась молить Императора о пощаде.

Три улики, все подозрения — всё было разбито. К тому же, десятки слуг могли подтвердить: с тех пор как Музыкант Юнь появился во дворце Юаньхэн, он не то что не оставался наедине с Императрицей, он даже не приближался к ней ближе чем на метр!

Император, чья ярость изначально была направлена на Императрицу, теперь сменил гнев на

милость — но уже по отношению к другим.

— Шань Хуэй лишит титула и разжаловать в простолюдинки за клевету. Шань Лань отправить в монастырь Цзинсы на покаяние. Хуаньсян казнить. Расследование продолжить! — отрезал Император и, взмахнув рукавами, удалился.

Так всё закончилось? Ли Юэбай чувствовал, что что-то не так. Наложницы повержены, но таймер в углу зрения не исчез! Он продолжал тикать, отсчитывая три дня.

Страх смерти снова охватил его.

— Система, что происходит? — Ли Юэбай подавил гнев и страх. — Я всё еще умру?

— Разумеется, ты же не устранил главного злодея! — взревела Система. — Ты бесполезен! Четыре дня прошло, а ты до сих пор не справился! Ты — худший из всех моих подопечных!

Ли Юэбай не знал, плакать ему или смеяться. Он выложился на полную! Без боевых навыков, одними словами он переломил ситуацию — и всё равно худший?

— Суди по сюжету, — бросила Система на прощание.

Ли Юэбай проанализировал ситуацию и понял. Враги тоже могут нанести ответный удар! Шань Хуэй разжалована, Шань Лань в монастыре, Великий наставник Чжао под следствием... Чжао Нэ не станет сидеть сложа руки. Он привык бороться, и теперь, когда отступать некуда, он пойдет в наступление.

Его главный козырь — интриги. Раз Наследный принц не занимает должностей, к которым можно придраться, он ударит по его личной жизни.

А что у принца с личной жизнью? Хотя он и пугающий, но из-за болезни ведет себя тихо, разве что постоянно задирает Ли Юэбая.

Ли Юэбай ткнул пальцем в себя.

Опять я!

Почему и с Императрицей, и с принцем меня связывают сомнительные слухи? Юнь Вэйчжи, ты что, единственный мужчина в Великой династии Дуань?

В оригинале к однополым связям относились без фанатизма, но и не поощряли. Если Чжао Нэ подаст жалобу, принцу, может, ничего и не будет, а вот Юнь Вэйчжи ждет чаша с ядом.

Ли Юэбай вспомнил последние дни: сны, совместный сон, держание за руки... Он был безупречен в общении с Императрицей, но с принцем — сплошные проколы!

Теперь Чжао Нэ будет плакаться Императору и одновременно жаловаться на них.

Нужно действовать. Но что делать?

Из-за ширмы донесся звон разбитого бокала и вздох Императрицы:

— Он даже не узнал мой почерк, так легко заподозрил меня... А после того, как выяснилось, что это подстава, еще и пожалел наложницу Шань. Что это значит?

— Ваше Величество, не волнуйтесь, благодаря Музыканту Юню мы победили, — успокаивала Жуи.

Императрица была гордой и самовлюбленной. Она не любила Императора, но её задевало, что он не любит её.

— А я еще унижалась, писала эту жалкую Оду, чтобы показать свои чувства... — Императрица сдерживала гнев.

Ли Юэбай, слушая их, решил выйти наружу, чтобы подышать воздухом и заодно покараулить, чтобы никто не подслушал. Снаружи снег прекратился, было ясно и тихо.

— Юнь, хочешь выйти? — раздался ленивый голос.

Ли Юэбай замер. Опять этот «медвежонок» проснулся.

Принц Мужун Нань, полулежа на кровати, смотрел на него своим обычным угрюмым взглядом.

— Я просто прогуляюсь. Спи дальше, не упади, — Ли Юэбай помахал рукой и собрался уходить.

— Вернись, — тон принца стал серьезным. — Снаружи опасно.

— Я не умру так скоро, — буркнул Ли Юэбай, но почувствовал, что принц прав. Мужун Нань не зря станет будущим злодеем — его чутье поражало.

Его втянули обратно на кровать.

— Чжао Нэ не успокоится, — прошептал Мужун Нань, наклонившись к самому уху Ли Юэбая.

— Их шпионы всё еще во дворце.

— Я знаю, — кивнул Ли Юэбай. — Но мы не можем вечно сидеть взаперти.

— Юнь, если у тебя есть план, говори мне, — голос принца охрип. — Тебе нравится играть в героя-одиночку?

— Прости, — мягко сказал Ли Юэбай, умевший обращаться с детьми. — Я думал, что справлюсь сам, и не хотел тебя волновать. Больше такого не повторится.

— Вчера всё получилось благодаря тебе, — продолжил Ли Юэбай. — Я не объяснял причин, но ты всё понял без слов.

— Что касается будущего, — признался Ли Юэбай, — я пока не придумал. Но ясно одно: Чжао Нэ ударит по нашим с тобой отношениям.

Чувства Мужун Наня к Юнь Вэйчжи были слишком очевидны. А Юнь Вэйчжи... даже если это не любовь, то что-то гораздо более глубокое.

— У них нет власти, чтобы тронуть тебя, — сказал Мужун Нань. — Удар будет направлен на меня.

<http://bllate.org/book/19096/1875417>